

Угрожающий вид Фана Чжуншаня не только распугал сидевших за столами гостей, но и до смерти напугал все семейство Цзян. Внутренний дворик, где еще недавно раздавался пьяный гул, в мгновение ока погрузился в гробовую тишину.

Фан Чжуншань наконец дал выход накопившемуся гневу. Он стоял прямо и неподвижно, с каменным лицом сжимая в руке каменный нож и ледяным взглядом оглядывая старика Цзяна и господина Юань.

Старик Цзян, жалко прикрывая ладонью горящую от удара щеку, робко опустил голову. Он не смел промолвить ни слова, до смерти боясь случайно разгневать Фана Чжуншаня и спровоцировать его на новый безумный выпад.

Фан Чжуншань прикрыл глаза, стараясь унять бешено колотящееся сердце. Сделав глубокий вдох, он повернулся к Цзян Жану. В этот миг в душе мужчины, всегда уверенного в себе, шевельнулась редкая тревога: он показал себя с самой жестокой, яростной стороны, и теперь искренне переживал, не напугал ли Сяо шуаньэра.

Цзян Жан наконец пришел в себя. Поймав устремленный на него заботливый взгляд Фана Чжуншаня, юноша словно очнулся от глубокого сна.

По идее, сейчас ему следовало бы дрожать от страха, однако никакого испуга Цзян Жан не испытывал. Напротив, в его груди разлилось тепло, щемящее и бесконечно сладкое.

«Старший брат Чжуншань так разозлился... и все ради меня!»

На его губах сама собой появилась робкая улыбка, проявив мягкие, очаровательные ямочки на щеках. Фан Чжуншань, все еще сжимая в руке каменный нож, протянул к нему ладонь.

— Подойди ко мне, — негромко позвал он.

Цзян Жан радостно кивнул и, позабыв обо всем на свете, подбежал к мужу. Он доверчиво вложил свою ладонь в его широкую теплую руку и мягко проговорил:

— Здесь скучно. Дома на плите как раз томится теплая рисовая каша с рыбой, давай поскорее вернемся.

На этом нелепый и постыдный спектакль подошел к концу. Стоило супругам уйти, как у оставшихся членов семейства Цзян голова пошла кругом от оставленного за собой разгрома.

Слухи и пересуды, точно птицы, мигом разлетелись по всей деревне Цзян, а вскоре добрались и до деревни Речного Отдыха. На несколько дней эта история стала самой обсуждаемой темой в округе.

— Слыхали новость? — шептались у колодцев кумушки. — Когда молодой муж из семьи Цзян приехал к тестю с визитом примирения, там такое устроилось — страх! Говорят, зять прямо за нож взялся, кровь так рекой и лилась! Кошмар какой-то, умереть со страху можно!

— Да откуда ты только этих небылиц набралась? — возражали другие. — Я там самолично стоял и все своими глазами видел! Семья Цзян на бедного шуаньэр с кулаками набросилась, обзывали его всяко, да еще и на чужое добро позарились. Только не на того напали: этот Фан Чжуншань парнем оказался не промах. Цзяны сами напоролись на сталь — так им, бесстыдникам, и надо, поделом!

— Да уж, я своими ушами слышала, как старший дядя Цзян при всех ляпнул, что у них в доме Сяо шуаньэров да девок отродясь за людей не считали. А бедный Цзян Жан? Бедняга несчастный, живого места на нем не оставили, все тело в синяках!

— Слушай, у тебя ведь тоже Сяо шуаньэр подрастает, ровесник их Цзян Руху? Смотри в оба, не вздумай отдать ребенка в эту семью, не толкай дитяtko в огненное пекло!

Праздные разговоры за чаем имеют свойство быстро обрастать небылицами.

В конце концов все сошлись в одном непоколебимом мнении: семейство Цзян держит шуаньэров и девушек за бесправный скот. Любой уважающий себя родитель, у кого подрастали незамужние дочери или Сяо шуаньэры, теперь зарекся иметь с ними дело — никто не желал губить собственную плоть и кровь.

Разумеется, Фан Чжуншань тайно приложил руку к распространению этих слухов. Он твердо вознамерился сделать так, чтобы мерзавец Цзян Руху до конца дней своих не смог найти себе пару и остался бобылем.

Одержав столь оглушительную победу во время семейного визита, Фан Чжуншань и Цзян Жан вернулись к тихой, размеренной жизни. Теперь, получив суровый урок, Цзяны нескоро осмелятся переступить их порог.

Последующие дни выдались необычайно солнечными — идеальное время для сушки трав-свечильника.

Ее сочные изумрудно-зеленые круглые листья после сушки заметно поблекли и съежились. На ощупь они стали хрустящими, ломкими и совершенно лишились влаги — верный признак того, что целебное сырье дошло до нужного состояния и готово к долгому хранению.

Фан Чжуншань бережно уложил высушенные листья в плетеную бамбуковую корзину, прикидывая в уме, где повыгоднее продать этот сбор.

— Старший брат Чжуншань, ты собираешься в город Процветающего Ян? — спросил Цзян Жан.

Цзян Жан как раз грустно разглядывал опустевшую кадку для риса. Услышав размышления мужа вслух, он мгновенно повеселел и поспешил к нему. Задржав голову, юноша умоляюще проговорил:

— Если поедешь, обязательно купи белого риса.

Затем он принялся загибать тонкие пальцы, старательно подсчитывая:

— Казенная соль и рапсовое масло тоже почти закончились, нужно бы пополнить запасы.

После памятного визита к родне Сяо шуаньэр окончательно отбросил робость. С каждым днем он вел себя все доверчивее, а порой, сам того не замечая, ластился к мужу.

Фан Чжуншань ласково взглянул на его испачканное лицо — юноша только что полтел грядки и умудрился заляпаться грязью. На душе стало тепло. Мужчина потрепал Сяо шуаньэра по мягкой макушке и согласно кивнул:

— Да, хочу съездить в город Процветающего Ян и сбыть целебные травы. Только ты столько всего назвал, а у меня память дырявая, все равно позабуду. Собирайся, поедет вместе. Как раз погуляешь по улицам, развеешься.

Глаза Цзян Жана от радости засияли.

Город Процветающего Ян был самым крупным и богатым торговым узлом в округе. Вокруг него, точно бусины, рассыпались мелкие поселения вроде деревни Цзян или деревни Речного Отдыха.

Для деревенской ребятни поездка со взрослыми на городской базар была событием едва ли не более желанным, чем празднование Нового года.

За всю свою недолгую жизнь Цзян Жан бывал там всего несколько раз, когда был жив его родной отец. После кончины родителя о подобных радостях пришлось забыть.

Но если для юноши город оставался диковинкой, то прежний владелец тела Фана Чжуншаня, знатный гуляка и бездельник, знал его как свои пять пальцев. Благодаря унаследованной памяти Чжуншань прекрасно ориентировался в городских улицах.

Покопавшись в чужих воспоминаниях, он без труда восстановил в голове карту здешних мест.

Этот процветающий город, раскинувшийся на юго-востоке страны Великого Спокойствия, служил важнейшим торговым узлом. Через него проходила разветвленная сеть рукотворных каналов, связывавших здешние края с далекими мегаполисами.

Сюда нескончаемым потоком стекались купцы со всех уголков империи, привозя диковинные товары. Но больше всего город славился спелыми дикими плодами и редкими лекарственными травами, которыми изобиловали склоны величественной горы Одинокого Шамана.

Лесные собиратели — те самые, о которых некогда рассказывал дядя Линь, — вели здесь бойкую торговлю, благодаря чему в городе открылось множество известных аптек и лавок лекарей.

Главной целью Фана Чжуншаня в этой поездке была аптека Ветра и Облаков, известная своей безупречной репутацией и честными ценами.

Дядя Цзян, местный извозчик, наотрез отказался брать плату за проезд и вызвался довезти супругов до города на своей ослиной повозке.

В тот памятный день, когда молодожены ездили к родне Цзян Жана, именно дядя Цзян вез их на телеге и воочию наблюдал разыгравшуюся драму.

Извозчик сам был примерным семьянином и воспитывал единственного сына-Сяо шуаньэра, в котором души не чаял и берег пуще зеницы ока. В его простой, честной душе не укладывалось, как можно быть настолько жестокосердным, чтобы измываться над сиротой, оставленным покойной супругой.

Он глубоко сочувствовал Цзян Жану и теперь общался с юношей бережно и ласково. Прощаясь, он широко улыбнулся и хлопнул себя по груди:

— Если куда соберетесь, сразу ко мне идите! Мне не трудно запрячь осла, дело нехитрое. И про монеты забудьте! Вам, молодым, копить надо, хозяйство налаживать. Копите медь, обустройте дом, живите дружно!

Фан Чжуншань не привык оставаться в долгу, но упрямство извозчика было не сломить. Тогда в знак благодарности он вручил доброму человеку половину свежепойманной крупной рыбыны — перед таким щедрым гостинцем старик устоять не смог.

Ослик бежал резво, споро перебирая копытцами по утопанному тракту, и вскоре впереди показались очертания города Процветающего Ян.

Дядя Цзян, пощелкивая хлыстом, обернулся к пассажирам и зычно прокричал:

— Приехали! Город Процветающего Ян!

Фан Чжуншань поднял голову. Взору его открылись величественные крепостные стены, сложенные из массивных серо-бурых кирпичей, потрескавшихся от времени и безжалостных ветров.

Тяжелые ворота были распахнуты настежь. Над главным арочным проходом красовалась покрытая киноварным лаком каменная плита, на которой золотом горели три каллиграфических иероглифа: «Город Процветающего Ян».

Придержав поводья у постоянного двора близ ворот, возница повернулся к супругам:

— Дальше сами. Мне еще по делам нужно успеть, так что внутрь с вами не пойду. Удачи вам!

Фан Чжуншань вновь поблагодарил извозчика, крепко сжал ладонь Цзян Жана, и они вместе шагнули под своды массивных городских ворот.

Улицы бурлили жизнью. Повсюду сновали толпы горожан и приезжих торговцев. Фан Чжуншань поудобнее перехватил легкую корзину и рассудил, что правильнее будет сперва наведаться в аптеку Ветра и Облаков. Сначала нужно выручить деньги за товар, а уж потом с легким сердцем отправляться за покупками.

Аптека Ветра и Облаков славилась на весь округ. Ее обширные владения занимали чуть ли не половину оживленного квартала. Расспросив пару прохожих, Чжуншань быстро отыскал дорогу к нужному зданию.

Несмотря на громкое имя, здешние служащие отличались редким радушием и уважением к каждому гостю.

Юный ученик лекаря, укладывавший сухие корни у прилавка, завидев вошедших, тут же поднялся и с вежливым поклоном засеменил навстречу:

— Добро пожаловать, почтенные господа! Желаете приобрести снадобья или принесли целебные корни на продажу?

— На продажу, — ответил Фан Чжуншань, приподняв корзину.

Улыбка на лице мальчишки стала еще шире. Учтиво кланяясь, он проводил супругов в глубь лавки к столу приемщика, у которого дремал пожилой мужчина:

— Старый мастер Е, проснитесь! К нам принесли товар.

Седовласый старый мастер Е, несмотря на преклонные лета и худощавое телосложение, выглядел бодрым и крепким. Встрепенувшись, он благодушно улыбнулся и спросил:

— А, лесные собиратели пожаловали? Что-то лицо твое мне незнакомо, братец. Из далеких краев прибыли?

— Я из деревни Речного Отдыха, — вежливо отозвался Фан Чжуншань. — Раньше бывать у вас не доводилось, оттого вы меня и не помните.

С этими словами он бережно поставил корзину на прилавок. Старый мастер Е поднялся с места и откинул скрывавший содержимое кусок грубой мешковины.

Узнав, что перед ним обычный крестьянин, а не опытный лесной собиратель, старый мастер Е внутренне вздохнул.

За долгие годы службы он навидался ханьцзы, которые в погоне за легкой монетой приносили охапки сорняков, уверяя, будто это бесценные целебные корни. Обычно такие ханьцзы мало что смыслили в аптекарском деле.

Решив, что Фан Чжуншань из их числа, старый приемщик уже мысленно подбирал слова для мягкого отказа. Но стоило ему заглянуть в корзину, как его равнодушие мгновенно улетучилось. На дне ровными, аккуратными слоями лежали высушенные листья.

— Травя-светильник?! — изумленно выдохнул старый мастер Е.

Недоверчиво потянувшись к корзине, он аккуратно выудил один хрупкий листок. Поднеся его к самому лицу, он внимательно разглядел его на свет — тонкая пластинка почти просвечивала. Затем старик прикрыл глаза и вдохнул едва уловимый, терпкий аромат с легкими нотками тепла.

— Невероятно... Это и вправду травя-светильник! Настоящая, отменного качества!

Глядя на его искреннее волнение, Фан Чжуншань наконец облегченно вздохнул. Тревога, терзавшая его всю дорогу, окончательно рассеялась.

Похоже, в этом мире травя-светильник ценилась ничуть не меньше, чем в его прошлой жизни. Первая крупная сделка в его новой аптекарской практике обещала принести отличный доход.